

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 307

18 декабря 2025 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя адвоката М. – адвоката З. (Ордер № ... от 11 декабря 20.. года (вх. № ... от ...), регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов), рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. от 01 сентября 20.. года (вх. № ... от 01.09.20..) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 19 ноября 20.. года вынесла заключение:

1) о неисполнении, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката № 2 от 02 марта 2004 года «Об участии в делах по назначению» и п. 3-6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в непроведении с ним конфиденциального свидания до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнении адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в том, что 06 июня 20.. года адвокат М. подписал протокол уведомления об окончании следственных действий, в котором не были указаны дата и время проведения этого процессуального действия, и протокол ознакомления с материалами уголовного дела с указанием даты 08 июня 20.. года и не предпринял никаких действий, чтобы воспрепятствовать подписанию этих документов 06 июня 20.. года заявителем П.;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по жалобе П. от 01 сентября 20.. года (вх. № ... от 01.09.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть жалобу в его отсутствие (вх. № ... от 12.12.20., № ... от 15.12.20..).

Представитель адвоката М. – адвокат З. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, согласился с ее выводами, сообщил, что адвокат М. также полностью согласен с выводами заключения Квалификационной комиссии, признает допущенные нарушения, сделал выводы о недопустимости подобного поведения впредь. Просил учесть, что его доверитель пользуется уважением коллег, и строго его не наказывать.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав представителя адвоката М. – адвоката З., соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Заявителем выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что адвокат М.:

- вступил в уголовное дело № ... в обход установленной процедуры назначения защитников;
- не провел конфиденциальную беседу до начала следственных действий и не определил позицию защиты;
- действовал по договоренности со следователем и выполнял его поручения вопреки интересам доверителя П.;

- не оказал квалифицированную юридическую помощь, не сделал замечаний о нарушении прав заявителя в протоколах следственных действий;
- поддержал якобы заявленное П. ходатайство об особом порядке рассмотрения уголовного дела в суде;
- не составил мотивированное ходатайство об отложении предъявления обвинения до приглашения защитника по соглашению;
- не получил копии постановлений о выделении уголовного дела и принятии его к производству и постановлений, обязательных для вручения заявителю;
- не заявил о незаконности предъявленного обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ;
- поставил 06 июня 20.. года подписи в незаполненных бланках протоколов очной ставки между П. и Б., уведомления об окончании следственных действий и ознакомления с уголовным делом без даты и времени;
- участвовал в фальсификации следователем материалов уголовного дела № ... и оказании вместе со следователем психологического давления на заявителя.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Следователем Юго-Западного следственного отдела на транспорте Западного межрегионального следственного управления на транспорте СК РФ С. 06 июня 20.. года в 16.00 час. из уголовного дела № ... выделено уголовное дело № ... в отношении подозреваемого П. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ. В этот же день с 15.00 час. по 15.45 час. следователем данного следственного органа, фамилия которого в протоколе не указана, П. допрошен в качестве свидетеля.

Следователь С. 06 июня 20.. года в 13.51 разместил в АИС АПМ заявку № ... для обеспечения участия защитника подозреваемому П., по которой в тот же день в 15.32 был назначен адвокат М., вступивший в уголовное дело на основании Ордера № ... от 06 июня 20.. года. В тот же день с 16.10 по 16.20 следователем С. составлены протокол явки с повинной П., в соответствии с которым П. добровольно сообщил о даче взятки в сумме 16 000 рублей, с 16.25 по 16.28 – протокол о разъяснении подозреваемому П. «права на помощь защитника», в котором отражено ходатайство П. об обеспечении участия защитника следователем.

С участием защитника – адвоката М. 06 июня 20.. года был проведен ряд следственных и иных процессуальных действий: с 16.40 по 17.20 – допрос П. в качестве подозреваемого, с 17.30 по 18.00 – очная ставка между П. и Б., в 18.10 П. предъявлено обвинение, с 18.20 по 18.40 произведен его допрос в качестве обвиняемого. Кроме того, следователем С. 06 июня 20... года заполнены бланки протокола уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу № ... без указания даты и протокола ознакомления с материалами уголовного дела, датированного 08 июня 20.. года, которые 06 июня 20.. года подписаны обвиняемым П. и его защитником

– адвокатом М. В представленных в дисциплинарное производство протоколе уведомления об окончании следственных действий по уголовному делу дата и время (07 июня 2025 года с 12.00 по 12.10) внесены рукописным способом, протоколе ознакомления с материалами уголовного дела дата (08 июня 2025 года) указана машинописным способом на первом листе, который не содержит подписей участников, время не указано.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. не общался с доверителем П. конфиденциально до начала следственных действий и не определил позицию защиты по уголовному делу, Совет исходит из того, что уголовно-процессуальный закон, обеспечивая гарантированное ст. 48 Конституции Российской Федерации право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, прямо закрепляет право подозреваемого иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), а также право обвиняемого на такие свидания, в том числе до первого допроса в этом качестве, без ограничения их числа и продолжительности (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). При этом предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ право защитника иметь с подозреваемым, обвиняемым свидания в соответствии с положениями ст. 46 и 47 УПК РФ является полномочием защитника, которое не предполагает произвольного отказа от его реализации.

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы от 02 марта 2004 года № 2 «Об участии в делах по назначению» указано: «Адвокатам, назначаемым для защиты по запросам судов, прокуроров и органов предварительного расследования, с момента вступления в уголовное судопроизводство надлежит требовать предоставления свидания наедине с подзащитным. При отказе в реализации такого права, какими бы обстоятельствами он не обосновывался, адвокату допустимо заявить о невозможности осуществлять защиту, обжаловав неправомерные действия следователя прокурору либо в суд, а судьи – в вышестоящий суд».

В соответствии с положениями Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении (п. 3 Стандарта). В соответствии с п. 4 Стандарта, в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует:

а) выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключаящих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу;

б) получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом;

в) разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению;

г) выяснить обстоятельства задержания и уточнить, проводился ли допрос в отсутствие адвоката и применялись ли незаконные методы при проведении следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий;

д) выяснить отношение к предъявленному обвинению или подозрению в совершении преступления.

В соответствии с п. 5 Стандарта, адвокат должен согласовать с подзащитным позицию по делу. В этих целях адвокат:

а) принимает меры к выяснению существа обвинения или подозрения, в том числе посредством ознакомления с процессуальными документами, составленными с участием подзащитного, и иными документами, которые предъявлялись либо должны были ему предъявляться;

б) в случае вынужденного определения позиции по делу в отсутствие возможности ее предварительного согласования с подзащитным исходит из принципа презумпции невиновности подзащитного и согласовывает с ним такую позицию при первой возможности.

В соответствии с п. 6 Стандарта, в случае признания подзащитным вины защитнику следует разъяснить подзащитному правовые последствия такого признания, а также по возможности убедиться, что признание вины совершается добровольно и не является самооговором.

Приведенные Разъяснения и Стандарт приняты органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат М. признал, что перед началом следственных действий не общался с П. наедине, объяснив это отказом доверителя П. от подобной беседы и сформировавшейся у него позицией признания вины в инкриминированном преступлении, о чем он сообщил адвокату М. в присутствии следователя.

Совет в этой связи подчеркивает, что адвокат М. был не вправе ограничиться получением от доверителя этой информации в присутствии следователя и был обязан потребовать у следователя предоставления ему свидания с П. наедине и конфиденциально. Именно в рамках конфиденциального разговора с П. адвокат М. должен был выяснить у него все приведенные выше вопросы, в том числе – применялись ли к подзащитному незаконные действия, его отношение к подозрению в совершении преступления, определить защитительную позицию по уголовному делу и согласовать ее, а также разъяснить П. право на приглашение защитника. Адвокату М. как профессиональному советнику правовым вопросам должно быть очевидно, что проведение предварительной беседы с подзащитным не наедине, а в присутствии следователя не способно

обеспечить интересы доверителя, который мог ранее подвергнуться незаконному воздействию со стороны следователей или оперативных сотрудников либо мог быть введен ими в заблуждение относительно своего положения и различных правовых вопросов, включая реализацию права на защиту. В том случае, если П., находясь с адвокатом М. наедине, отказался бы обсуждать с ним позицию по уголовному делу, адвокату М. следовало выяснить причины такого отказа и в зависимости от них либо помочь подзащитному составить заявление об отказе от защитника, либо самостоятельно заявить о невозможности осуществления защиты П.

Совет обращает внимание на то, что в рассматриваемой ситуации важность проведения предварительной беседы наедине и конфиденциально возростала в связи с проведением с подзащитным П. всех следственных действий, включая разъяснение подозрения, предъявление обвинения и заполнение протокола уведомления об окончании следственных действий, в течение одного дня – 06 июня 20.. года, а также в связи с дачей им в этот день до возбуждения уголовного дела №... избличающих его показаний в качестве свидетеля без участия адвоката.

Квалификационная комиссия обоснованно указала в заключении на то, что постановка адвокатом М. в протоколе допроса подозреваемого П. от 06 июня 20.. года вопроса об оказании воздействия на него для дачи им признательных показаний уже после их получения следователем ни в коем случае не заменяла конфиденциального выяснения этих вопросов и не способствовала выявлению действительной воли подзащитного, а, напротив, лишь способствовала легитимации его показаний, в том числе и в случае отказа от них в дальнейшем.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой в части описанного дисциплинарного обвинения, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения – установленной.

Оценивая профессиональное поведение адвоката М. в части дисциплинарного обвинения в подписании вместе с заявителем незаполненных бланков протоколов уведомления об окончании следственных действий и ознакомления с материалами уголовного дела без даты, Совет исходит из того, что в соответствии с ч. 2 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Согласно предписаниям Стандарта, в процессе осуществления защиты адвокат: оказывает подзащитному помощь в ознакомлении с материалами дела (пп. «б» п. 8 Стандарта); использует иные средства и способы защиты, не запрещенные законодательством (пп. «в» п. 8 Стандарта); по просьбе

подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного (п. 9 Стандарта); должен знакомиться с протоколами процессуальных действий, проводимых с его участием, на всех стадиях уголовного процесса и при необходимости приносить на них замечания (п. 10 Стандарта).

При уведомлении об окончании следственных действий и по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь составляет протокол в соответствии с требованиями ст. 166, 167 УПК РФ (ч. 1 ст. 215, ч. 1 ст. 218 УПК РФ). В силу требований п. 1 ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственного действия указываются дата его производства, а также время его начала и окончания с точностью до минуты.

Достоверное отражение даты и времени совершения следственных и иных процессуальных действий имеет существенное значение для защиты прав и интересов доверителя, а потому их наличие должно контролироваться участвующим в них адвокатом в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Требование указания соответствующих дат в протоколе уведомления об окончании следственных действий и протоколе ознакомления с материалами уголовного дела и контроль исполнения этого требования гарантируют, что в последующем материалы уголовного дела не будут дополнены материалами, полученными после завершения ознакомления с делом стороны защиты.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что протокол уведомления об окончании следственных действий без указания даты и времени и протокол ознакомления с материалами уголовного дела, датированный 08 июня 20.. года (без указания времени), были подписаны заявителем и его защитником – адвокатом М. 06 июня 20.. года. При этом все процессуальные действия по уголовному делу проводились 06 июня 20.. года, в более поздние даты обвиняемый и его защитник в следственный орган не являлись, подписав 06 июня 20.. года указанные протоколы с недостоверным указанием дат и времени по просьбе следователя.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой и в данной части, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения – установленной.

Вместе с тем, обстоятельства, установленные в результате дисциплинарного разбирательства, указывают на необоснованность других дисциплинарных обвинений, выдвинутых заявителем против адвоката М.

Так, рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката М. в уголовное дело в обход установленной процедуры назначения защитника, Совет отмечает, что он вступил в дело в качестве защитника подозреваемого П. на основании распределенной ему АИС АПМ заявки от 06 июня 20.. года № ..., размещенной следователем С., то есть в соответствии с установленным порядком.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М. действовал по договоренности со следователем и выполнял его поручения вопреки интересам доверителя, также не нашло подтверждения. Адвокат М. был назначен защитником по заявке № ... АИС АПМ после ее отклонения другими адвокатами, фактов перебора заявок в АИС АПМ в целях назначения защитником определенного адвоката, равно как и фактов неоднократного назначения адвоката М. защитником по заявкам того же инициатора – следователя С. не выявлено. Доказательств поступления угроз от следователя С. в адрес П. и его защитника по соглашению – адвоката К. не представлено. При этом обязанность опровержения презумпции добросовестности адвоката возложена на заявителя П., который должен доказать те обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих требований. Факт представления адвокатом М. письма следователя С., в котором тот оценивает выдвинутые П. дисциплинарные обвинения в качестве защитительной позиции по уголовному делу, указывает на непроцессуальный характер общения между адвокатом М. и следователем, но сам по себе не доказывает наличия между ними каких-либо договоренностей, нарушающих права и интересы П.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении неконкретизированного и не подтвержденного доказательствами дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. не оказал П. квалифицированной помощи. В заключении Квалификационной комиссии приведены исчерпывающие обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Незаявление мотивированного ходатайства об отложении предъявления обвинения до приглашения защитника по соглашению не может расцениваться как нарушение в действиях назначенного защитника, отказ от которого не был заявлен подзащитным.

Дисциплинарное обвинение в неполучении адвокатом М. копий постановлений о выделении уголовного дела, принятии его производству и других, которые должны были предъявляться заявителю, также обоснованно отвергнуто Квалификационной комиссией, поскольку на адвоката не может возлагаться дисциплинарная ответственность за эти действия. Положения п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ наделяют адвоката правом знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. В отсутствие прямого указания в уголовно-процессуальном законе о наличии у защитника права ознакомления с иными процессуальными решениями следователя неполучение их копий не может признаваться виновным поведением адвоката.

Это же относится и к дисциплинарному обвинению в незаявлении адвокатом М. о незаконности предъявленного заявителю обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ. Такое

заявление, с одной стороны, предполагает уголовно-правовую оценку действий П., которая не входит в компетенцию органов адвокатского самоуправления. С другой стороны, принятие решения о таком заявлении относится к тактике работы по делу, избираемой адвокатом самостоятельно в силу его законодательно закрепленного статуса как независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Дисциплинарное обвинение в подписании адвокатом М. вместе с заявителем незаполненного бланка протокола очной ставки между П. и Б. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, также признает недоказанным, поскольку данная очная ставка проводилась 06 июня 20.. года с 17.30 до 18.00 час., при этом заявителем не оспаривается присутствие адвоката М. и в более раннее время в этот день, а сам факт отсутствия даты и времени в протоколе очной ставки не подтвержден заявителем, поскольку им представлена фотография этого протокола с указанными реквизитами.

Дисциплинарное обвинение в участии адвоката М. в фальсификации материалов уголовного дела № ... и оказании вместе со следователем психологического давления на заявителя является неконкретным, так как заявителем не указано, какие именно действия были совершены адвокатом М. Кроме того, компетенция Совета и Квалификационной комиссии ограничена лишь установлением дисциплинарного проступка. Установление же в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством, уполномоченными на это государственными органами и должностными лицами.

Таким образом, презумпция добросовестности адвоката М. в части других дисциплинарных обвинений не опровергнута.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершенные дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом обязательных правил осуществления защиты обвиняемого по назначению следователя, сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее адвокат М. к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал допущенные нарушения, обязался впредь не допускать подобного в своей деятельности.

При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию

справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату М. на необходимость неукоснительного исполнения следующих обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

– неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, ч. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката от 02 марта 2004 года № 2 «Об участии в делах по назначению» и п. 3-6 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в непроведении с ним конфиденциального свидания до первого допроса в качестве подозреваемого (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

– ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 8, 9, 10 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, принятого VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, исполнение

профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в том, что 06 июня 20.. года он подписал протокол уведомления об окончании следственных действий, в котором не были указаны дата и время проведения этого процессуального действия, и протокол ознакомления с материалами уголовного дела с указанием даты 08 июня 20.. года и не предпринял никаких действий, чтобы воспрепятствовать подписанию этих документов 06 июня 20.. года заявителем П.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по жалобе П. от 01 сентября 20.. года (вх. № ... от 01.09.20..), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков